

BOŻENA ZOJA ZILBOROWICZ

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

 <https://orcid.org/0000-0002-2850-6308>

СМЕРТЬ В ГЕОГРАФИИ, ИЛИ ПАМЯТЬ ПОХОРОНЕНА В ЗЕМЛЕ (ПРЕДЕЛ ЗАБВЕНИЯ СЕРГЕЯ ЛЕБЕДЕВА)

DEATH IN GEOGRAPHY – A MEMORY PASSED ON TO THE EARTH (*OBLIVION* BY SERGEI LEBEDEV)

This article aims to analyze the topography of the novel *Oblivion*, understood as the comprehensive system of nature's components. The writer raises the question about the lost and forgotten post-existence of the Soviet Gulags. In Lebedev's work, nature appears as a destructive element, transforming the Gulag's Atlantis into the world of abstract deaths, performed in a physical dimension, however, devoted to a socio-cultural dimension. The natural landscape does not act as a bearer of historical memory; conversely, it is a silent witness whose silence calls into question the very existence of the concentration camp as a crime scene

Keywords: Memory, emptiness, death, trace, Gulag

Наличие такого института как концентрационные лагеря — констатирует Михаил Геллер — не может не оказать решающего влияния на общество, как не может организм остаться нечувствительным к раковой опухоли в легких. Метастазы проникают во все органы — общество превращается в «концлагерный мир», в котором страх, ложь, насилие, террор становятся нормой¹.

Несмотря на то, что травматический опыт советского (особенно сталинского) прошлого — подобно другим геноцидам, как Холокост или Хиросима — невыразим, человек всё-таки стремится, чтобы изобразить невыразимое, невысказываемое, «восстановить объект»². *Conditio* травмированного субъекта —

¹ М. Геллер, *Концентрационный мир и советская литература*, Overseas Publications Interchange Ltd., London 1974, с. 6.

² Т. Hundorowa, *Gatunek czarnobylski: wyparcie realnego i nuklearna sublimacja*, przeł. P. Tomanek // *Po Czarnobylu. Miejsce katastrofy w dyskursie wspól-*

гражданина лагерной и постлагерной цивилизации — должно быть постижимо, как постулирует немецкая славистка Анне Хартманн, «именно на примере» лагерей «и при помощи лагерной литературы»³.

Вспышки активного присутствия темы ГУЛАГа в официальной дискуссии времен хрущевской оттепели, горбачевской перестройки и ее позднейших отголосков в силу различных обстоятельств не приобрели характера полноценного и завершенного процесса памяти и работы горя⁴. Как констатирует Сергей Лебедев:

[...] несмотря на то, что публикаций о «проклятом прошлом» была масса, в основе их лежало ощущение: наша задача — открыть двери правде, а уж она, как в сказке, все сделает сама. И не надо за ней ничего: ни правовых действий, ни общественных каких-то шагов, ни художественного переосмысления⁵.

В другом ракурсе проблему «российской памяти» и попытки преодоления травматического прошлого представляет британская писательница и исследовательница Кэтрин Мерридейл:

Те рассказы о прошлом, которые мне довелось слышать [...] редко бывали выстроены в хронологическом порядке. Люди говорили «не по существу» (то есть не по существу вопроса, представляющего интерес для историка). Их рассказы были фрагментами, сохранившимися в частном пространстве памяти при полном отсутствии какого бы то ни было общественного контекста, в который они могли бы быть вписаны. Рассказчики говорили так, будто их истории были нетипичными, исключительными [...]. А значит, череду последовавших несчастий можно объяснить только велением судьбы. Это странный рассказ, который походит на тревожное эхо другого мира. История семьи помещается не в политический контекст, не в контекст государственного насилия, но в область примитивного проклятия, наложенного на членов семьи⁶.

czesnej humanistyki, ред. I. Boruszkowska, K. Glinianowicz, A. Grzemska, P. Krupa, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2017, с. 59. Если не обозначено иначе все переводы мои — Б. З. З.

³ А. Хартманн, «*Окно в прошлое*». *Прочесть лагерь заново*, пер. А. Судаков, <https://shalamov.ru/research/61/3.html#t24> (03.02.2021).

⁴ Подробнее, см.: А. Эткинд, *Кривое горе. Память о непогребенных*, пер. В. Макаров, Новое литературное обозрение, Москва 2016; С. Ушакин, Е. Трубина (ред.), *Травма: пункты*, Новое литературное обозрение, Москва 2009.

⁵ С. Лебедев, *Сюжеты умолчания в Германии и России, или Немецкий успех Сергея Лебедева*, 23.10.2013, бесед. Е. Шуман, <https://p.dw.com/p/19zcy> (19.04.2021).

⁶ К. Мерридейл, *Каменная ночь. Смерть и память в России XX века*, пер. К. Полуэктова-Кример, CORPUS, Москва 2019, с. 220, 225.

В начале нулевых лагерная литература маргинализировалась, сложилась ситуация, в которой:

[...] основная аудитория лагерной литературы не желает не только полемизировать, но и вообще сталкиваться со сколь угодно косвенно выраженным утверждением, что общество, частью которого она является, выпало из истории и растеряло остатки социальных связей, а сама она нуждается в этической и социальной эволюции⁷.

Если во Франции (в 90-е гг. XX в.)⁸ появилась концепция «эстетики исчезновения» (введенная в оборот Полем Вирильо), которая заключалась не столько в том, чтобы «проанализировать массив художественных высказываний о лагерях смерти и жертвах фашизма», сколько, прежде всего, в осмыслении «излома чувственности, который произошел в середине века в Европе, пережившей катастрофу»⁹, то в России «„национальные триумфалисты” (термин Аверинцева) одержали идеологическую победу над „жалобщиками” и „печальниками”»¹⁰. Несмотря на факт, что в начале 1990-х попытку затеять дискуссию о коллективной вине и памяти предпринял историк и бывший заключенный Дмитрий Лихачев, российские интеллектуалы так и не написали работу вроде *Проблемы вины* Карла Ясперса. «Неудача работы горя» — заключает Эткинд — «ведет к меланхолии»:

Постсоветское время — несомненно, меланхолическое [...]. Общим предметом постсоветской меланхолии является непроработанная память о советской катастрофе. Миллионы погибли зря, но о них помнят многие; согласно опросам, каждый четвертый россиянин помнит своих предков, пострадавших от репрессий. Памятников этим жертвам мало; музеев советской катастрофы нет; не было и, наверно, не будет суда над палачами — личностями и институтами. Попытки возвести памятники в камне или бронзе сталки-

⁷ Е. Михайлик, *Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература*, «Новое литературное обозрение» 2009, № 6, с. 374.

⁸ Конечно, вопрос «как „разобраться” с тоталитарным прошлым» впервые прозвучал в послевоенной Германии. Более на тему травмы, памяти и исторической политики в послефашистской реальности, см. работы немецкой исследовательницы Алейды Ассман, например, *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика или Забвение истории — одержимость историей*.

⁹ Д. А. Ардамацкая, *Варлам Шаламов и поэтика после ГУЛАГа*, «Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина» 2013, т. 2, № 2, с. 137.

¹⁰ Г. Гусейнов, *Рипарография. Беллетристика середины 90-х в поисках нового*, «Постскриптум» 1997, № 1, с. 147.

ваются с сопротивлением этих палачей и их наследников. В этой ситуации работа гора продолжается там же, где началась, — в литературе¹¹.

Альтернативой для официальной исторической политики можно считать новейшую российскую литературу о советских лагерях — *Обитель* (2014) Захара Прилепина; *Зулейха открывает глаза* (2015) Гузель Яхины; *Авиатор* (2016) Евгения Водолазкина — пользующуюся огромным успехом среди читателей и критики, что подтверждают престижные премии, как Большая книга или Ясная Поляна. Критика объясняет популярность этих текстов ответом на актуальность запросов и ожиданий современной публики, пытающейся осмыслить травматичные явления недавней истории¹².

Особое место среди названных произведений принадлежит семейному (поколенческому) роману¹³ *Предел забвения* (2010) Сергея Лебедева. Критика справедливо отмечает, что «[...] на сегодняшний день эта книга едва ли не в одиночку делает непомерно трудную работу исторического покаяния, от которой российское общество отказалось»¹⁴. Пытаясь сделать видимыми жертвы сталинского террора (как и палачей), писатель фокусирует свое внимание на соотношении между временем природы

¹¹ М. Липовецкий, А. Эткинд, *Возвращение тритона. Советская катастрофа и постсоветский роман*, «Новое литературное обозрение» 2008, № 6, с. 174–206, <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/6/mark-lipoveckij-8212-aleksandr-etkind-vozvrashtenie-tritona-sovetskaya-katastrofa-i-postsovetskij-roman.html> (04.04.2021).

¹² См. И. Мотеюнайте, *Травма советского лагеря в современном русском романе (Гузель Яхина, Евгений Водолазкин) // А. Скотница, Я. Свежий (ред.), Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2019, с. 283–284.

¹³ Термин «семейный/поколенческий роман» (или литература внуков/правнуков) впервые был применен Алейдой Ассман к немецкой литературе двух последних десятилетий. В литературе внуков семья становится местом памяти, такой же сигнатурой прошлого как памятники или другие материальные формы исторической памяти. Именно такая форма, согласно ученой, выражения создает возможность переработать травматический опыт разных поколений. См. А. Assmann, *Unbewältigte Erbschaften. Fakten und Fiktionen im zeitgenössischen Familienroman // А. Kraft, М. Weißhaupt (Hg.), Generationen: Erfahrung — Erzählung — Identität*, UVK Verlagsgesellschaft, Konstanz 2009, с. 49.

¹⁴ О. Лебёдушкина, *Покаяние и прощение. Литература как работа памяти и забвения. Заметки по разным поводам*, «Дружба народов» 2011, № 5, с. 198–208, <https://magazines.gorky.media/druzhba/2011/5/pokayanie-i-proshhenie.html> (13.02.2021).

и временем истории, а также процессе проникания в это сплетение работы памяти и постпамяти. Обращение к природному ландшафту — воспринимаемому, одновременно, как «место насилия и артефакт, природный памятник — дает возможность всеохватного понимания и террора как такового, и его следов в обществе и культуре»¹⁵. Рефлексия о сохранении лагерного наследия, как и о воссоздании следов лагерного прошлого, сопровождается осознанием пейзажа как «пустого места», где все следы стертые¹⁶. В «классической» лагерной прозе, как у Варлама Шаламова, пейзаж мог еще выполнять роль носителя исторической памяти, обретая статус «говорящего» свидетеля¹⁷. Его особенная роль заключается в оживотворенной способности видеть и запоминать, поэтому задаваясь вопросом: «Были ли мы?», автор *Кольмских рассказов* мог с полной решительностью и уверенностью ответить: «[...] „были“ — со всей выразительностью протокола, ответственностью, отчетливостью документа»¹⁸.

У Лебедева перспектива резко меняется. Так как здесь природа «живет непрерывной работой смерти»¹⁹, безмолвный свидетель-пейзаж не сможет стать носителем исторической памяти. В предметном мире *Предела забвения* наступает безудержный возврат пейзажа в его первичное (долагерное) состояние — природная стихия поглощает лагерные места, ставя под сомнение

¹⁵ Л. Юргенсон, *Пейзажная зарисовка как метатекст в прозе Шаламова*, <https://shalamov.ru/research/394/> (02.04.2021).

¹⁶ В идейной концептуализации романа немаловажную роль сыграл опыт Лебедева как геолога и личное столкновение с ужасным заброшенным постсуществованием ГУЛАГА: «Заросшие молодым лесом дороги, рухнувшие, смытые половодьем мосты, осыпающиеся шахты, штольни. Северный климат очень жестокий, и это все просто исчезает на глазах. И через пять лет приходя в то же место ты видишь, как оно изменилось. Свидетельства не вечны, они уходят в небытие». С. Лебедев, *ГУЛАГовская Атлантида, которая 40–50 лет как канула в прошлое*, 29.10.2017, бесед. Н. Федорова, <https://realnoevremya.ru/articles/79209-pisatel-sergey-lebedev-o-nasledii-gulaga> (19.02.2021).

¹⁷ Образ природы в лагерной прозе Шаламова гораздо сложнее, о чем см., например: Д. В. Кротова, *Природа в мировосприятии В. Шаламова. Рецепция классических традиций и поэтическое новаторство*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2016, № 8, ч. 2, с. 21–25.

¹⁸ В. Шаламов, *Перчатка* // В. Шаламов, *Собрание сочинений в шести томах*, сост., подгот. текста, прим. И. П. Сиротинская, т. 2, Книжный Клуб Книговек, Москва 2013, с. 283.

¹⁹ G. Didi-Huberman, *Kora*, пер. Т. Swoboda, Wydawnictwo w Podwórkę, Gdańsk 2013, с. 79.

существование самого лагерника, окончательно вытесняя его из бытия:

Я шел от барака к бараку [...]. Место умирало [...], стремясь целиком исчезнуть в природе. [...] умирает человек, уходят те, в чьей памяти он был жив; вымываются, исчезают рассеянные, как частицы руды в породе, следы его существования [130, 132]²⁰.

Спустя десятилетия смертельной работы природы, сопровождающейся коллективным молчанием, ответ на тогдашнее Шаламовское «Были ли мы?», сейчас может прозвучать только отрицательно: Нет, вас не было, так как исчезновение изначально вписано в природную стихию. Природа делает человеческую потерю неназванной. Неслучайно, говоря о ГУЛАГе, Лебедев часто пользуется такими определениями, как «канувшая в прошлое гулаговская Атлантида» или «заброшенное постсуществование ГУЛАГа», добавляя, что вечная мерзлота делает умерших заключенных нетленными (как мамонты)²¹. Смерть, приобретающая абстрактный характер, совершившаяся в географии, не в истории, исключает (или вытесняет) культурную и гражданскую работу памяти об усопших²²; что и заложено в основу идеологической концепции романа:

[...] кроме временного разрыва был и разрыв пространственный. Я понял, зачем было ссылать людей в тайгу, в тундру: их вычеркивали из общего бытия людей, высылали из истории, и смерть их случалась не в истории, а в географии (с. 129).

Лебедев чрезвычайно внимателен к природному аспекту непамяти — естественное время природы упраздняет всякий порядок: исторический, культурный, в том числе и этический, смывая границу между палачом и жертвой, что, согласно писателю, особо опасно для существования нации.

Характерная черта ландшафта — как указывают его исследователи — «способность фиксировать исторические собы-

²⁰ Здесь и далее я цитирую по изданию: С. Лебедев, *Предел забвения*, Эксмо, Москва 2012.

²¹ См. С. Лебедев, *ГУЛАГовская Атлантида...*

²² Морис Бланшо называет такую смерть «маловажным событием, лишенным конкретной значимости, потерявшим черты внутренней личной драмы, ибо ничего внутреннего уже нет». М. Бланшо, *Литература и право на смерть* // М. Бланшо, *От Кафки к Кафке*, пер. Д. Кротова, Логос, Москва 1998, с. 31.

тия, то есть обладать специфическим типом пространственной памяти»²³; где «главный индикатор памяти данного пейзажа — его устойчивость»²⁴. Присущие в пейзаже объекты — физические/природные (ямы, пещеры), а также антропогенные (остатки ГУЛАГа) — связаны друг с другом пространственно в силу действия процессов как интегрирующих, так и дезинтегрирующих. Природная стихия, разрушающая константность постлагерного пейзажа, действует против памяти:

Мысленное или чувственное обращение к умершим возможно тогда, когда что-то может ответить эхом; когда бытие сохранило слепок присутствия, символически изображаемый в посмертной маске. А если смерть разбила и «посмертную маску», то никто и ничто уже не отзовется. Именно это ощущение было там, среди камней; ощущение утраты, которую не превозмочь ни чувством, ни мыслью (с. 132).

В результате активности разнообразных неантропоморфных форм (рост растений) природа выступает в роли актанта истории: «Я шел знакомым лесом, но он был чужим; [...] лес [...] развеивал человеческие запахи, заравнивал следы, [...] соки стремились вверх по стволам» (с. 81). Исторические процессы подвергаются трансляции на качества климатические, биологические, анималистические. Именно элементы природы (не культуры) посредничают в трансфере межпоколенческой травмы. Кровь, вода, вечная мерзлота, лагерные яблони создают непрерывность геостории²⁵, помещая судьбу личности и человечества в более широкие рамы истории неантропоцентрической.

Природный пейзаж в тексте романа дан как набор знаков, где почти каждый его элемент несет смысловую нагрузку. Постгу-

²³ U. Myga-Piątek, *Pamięć krajobrazu — zapis dziejów w przestrzeni*, «Studia Geohistorica» 2015, № 3, с. 39.

²⁴ Там же, с. 29.

²⁵ «В понимании Бросвиммера, историчность и темпоральность природы устанавливают оси, связанные сетью взаимозависимостей, соприкасающиеся в вертикальном и горизонтальном порядках, создавая, таким образом, новое качество, которое метко определяет понятие Латура „геостория” (*geostory*). Это идея, позволяющая в сферу истории „non-humans” включить нечеловеческие причинные факторы той же». A. Ubortowska, *Krajobraz po katastrofie: natura, historia, reprezentacja // Poetyki ekocydu. Historia, natura, konflikt*, ред. A. Ubortowska, D. Korczyńska-Partyka, E. Kuliś, IBL, [Warszawa] 2019, с. 9. Ср.: F. Brosimmer, *Ecocide. A Short History of the Mass Extinction of Species*, Pluto Press, London 2002; B. Latour, *Agency at the Time of the Anthropocene*, «New Literary History» 2014, № 45, с. 3.

лаговское природное пространство не воспринимается статически, напротив — это живая и опасная стихия смерти-забвения, выраженная, между прочим, «репрессивной тотальностью безбрежного пейзажа»²⁶. Размытость границ (где был лагерь, где не было) приводит к тому, что вся видимая территория превращается в беспамятное место. Ничто не говорит об ужасе случившегося. Никакая смерть, никакая драма сами по себе не образуют эмоционально вразумительного «материала», который мог бы что-то рассказать, засвидетельствовать. Эффект неопределенности локализации давнего лагеря, «непостижимости бытия», «неуловимости границ между сущим и отсутствующим (между наличным и пустотой)», живым и мертвым, «как их взаимобратимость»²⁷ реализуется при помощи мотива пурги. Пурга вездесуща, тотальна, это сила окончательно уничтожающая мир насилия над человеком:

Шел снег, фронт циклона разогнал мелкие туманные облака, и за пургой, тихой еще, прозрачной, виднелись развалины лагеря; луч прорвал тучи, подсветил развалины, и казалось, что они — так свет пропадает внутри тупова смерча — поглощают холодное сияние снежного солнца; и в этом пространстве искажений и пропаж недействительно человеческое, не случаются ни забота, ни дар, ни участие — искажения втягивают их в свои орбиты и оборачивают невольным соучастием во зле (с. 139–140).

Пурга, олицетворяющая высшую неподвластную человеку стихию, представляется носителем грядущего апокалипсиса. Ассоциативное поле пурги как запредельного варьируется через смертельную символику красного и черного цветов:

Низкие тучи принесли июньскую пургу, и черный [...] снег падал на могилы, черный снег. Казалось, что с небес сеется сажа давнего пожарища [...]. Тундра вокруг кладбища покраснела, будто из земли выступила разжиженная талой водой кровь; красная вода текла по рукам, по лицу; цвет кирпичной пыли, окарины с сизым оттенком пороховой копоти разбрызгался по пейзажу, окрасил горы и небо, и памятники кладбища стали островками в половодье этого цвета (с. 307–308).

Красный снегопад покрывающий всю тундру и скрывающийся в ней остатки лагерей — это не только фигура природы аб-

²⁶ Л. Юргенсон, *Пейзажная зарисовка...*

²⁷ Е. Фарино, *Введение в литературоведение*, Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург 2004, с. 294.

сорбирующей жестокою человеческую цивилизацию. Снегопад является «символом наказания и гнева природы за жестокое обращение с узниками. Очевидна аллюзия на первую казнь египетскую из Книги Исход: в обоих текстах природа действует во имя раскрытия правды»²⁸.

Смертоносный характер красной пурги достигает кульминационного момента в сцене погружения мира в безвыходном сумасшедшем круге. Ощущение замкнутости пространства и обретения на гибель усиливает мотив петли:

[...] по тундре бежал ставший красным полярный заяц, бежал петлями, уходя от мнимой погони, от сумасшествия красного цвета, и получалось, что он несется по кругу; заяц спасался от красной пурги, не зная, какого цвета он сам, прыгал в сторону, сбивая со следа гонящихся, уходил низинами и снова выскакивал на гряды (с. 308).

Весьма значительна символика зайца, который в христианской традиции — атрибут плодовитости, продолжения жизни²⁹. Образ окруженного кровавой метелью животного, потерявшего ориентир в пространстве, безумного от ужаса, лишённого своих природных качеств (перемена белой шерсти в красную) — выражение нарушенного космического порядка. Заложенные в белом качества невинности и чистоты, подверженные вытеснению смертоносным красным, активизируют одновременно мысль о мученической смерти жертв лагерной системы. Окончательным актом триумфа смерти можно считать в этой сцене момент, в котором вертящийся в сумасшедшем круговороте заяц, вдруг останавливается изнеможенный, и скрывшись среди мхов, застывает в окаменевшей позе, почти незаметный: «было видно только его уши» (с. 308). Недвижимость, незаметность, бессилие — это составляющие предела, «за которым цвет уже не имеет названия, снег не имеет названия, за которым останавливается внутренний оборот слов» (с. 309).

На эффект природного беспамятного состояния рассчитана в романе прежде всего теллурическая поэтика. Земля подавляющая жертвы лагеря своим первобытным хаосом, обладает

²⁸ Ж. Жербер, Е. Н. Эртнер, *Природа как «место памяти» в русской прозе о ГУЛАГе*, «Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates» 2018, № 4, с. 129.

²⁹ См. D. Forstner, *Świat symboliki chrześcijańskiej*, пер. W. Zakrzewska et al., Instytut Wydawniczy Pax, Warszawa 2001, с. 309–310.

свойством «всеопределяющего главенства»³⁰, что делает невозможным отторжение от нее даже остатков человеческого бытия — праха: «я увидел, что эти горстки земли, которых избегали растения, — это человеческий прах; точнее, то, во что прах превратился; то, что было прахом, а стало землей» (с. 131). Само человеческое существо таковым уже более не является, растворяется в пейзаже. Утратившие статус реальности, обретшие «пейзажность» человеческие жизни окончательно становятся невидимыми, молчащими. В ландшафте полного омертвления запечатлен модус пустоты, исчезновения, ибо, как правило, он не несет видимых следов происшедшего. Неодушевленные законы природы, отрицающие все человеческое, образуют провал в исторической и культурной памяти. Обозначить следы утраты, признать опыт боли, оплакать смерть — работа горя становится невозможной.

Антитез «память — забвение» активизируется в романе Лебедева, нестандартной для прозы о лагере, знаковостью камня. У автора *Колымских рассказов* камень являлся не только свидетелем: с помощью глаголов «сопротивляться», «не пускать», «обещать» камень демонстрировал свою волю: «Камень [...] обещал ничего не забывать, обещал ждать и беречь тайну»³¹. Так как у Лебедева природа это пространство топофобии, последовательно, даже камень не способен участвовать в процессе памяти, он не только «не заметит человеческих событий» (с. 342), его самого постигают разрушительные силы забвения. Он сам становится невидимым, а значит молчащим: «камень вокруг, серый, поросший лишайником, раскисшим от дождя» (с. 129). У камня отнимается основная его атрибутика носителя вечной памяти: «это торчащее кусками скальное мясо, вывихнутый, неестественно расколотый камень» (с. 246). Присуща камню вечность подменена качеством крайне короткого существования, легко поддающегося процессу гниения, распада.

Идея захоронения прошлого в земле четко отрефлексирована Лебедевым и через библейский смысл яблока, которое толкуется в категориях добро–зло, чистое–греховное, вечность–смерть:

³⁰ М. Никулина, *Камень. Пещера. Гора*, Банк культурной информации, Екатеринбург 2002, с. 119.

³¹ В. Шаламов, *По лендлизу* // В. Шаламов, *Собрание сочинений...*, т. 1, Книжный Клуб Книговек, Москва 2013, с. 398.

СМЕРТЬ В ГЕОГРАФИИ...

Три яблони у дома — скольких трудов стоило вырастить их здесь! — теперь стали дичками, вся их сила ушла в побеги и листву, нетронутые завязями ветви роняли наземь коричневый лист, и во всем вокруг был этот цвет омертвевшего листа, цвет гниющего яблока, он придавал дому и земле нечто старческое, одряхлевшее. Кое-где на яблонях еще сохранились давние спилы в коросте садового вара, но вар потрескался, отвалился, и, хотя древесная плоть обметала спилы тугим кожистым кольцом, внутри стволов уже завелась труха, а в земле, наверное, отмирали корни. Проволочные жгуты, которыми были притянуты к стволам грозившие отломиться ветви, слишком глубоко врезались в древесину и пережимали, перерезали кору (с. 373).

Смерть яблонь символизирует уход в небытие последних свидетелей трагического прошлого. Неродящий сад — очередная фигура прорванного вселенского цикла жизни. Постлагерный пейзаж телеологичен, ориентирован не только на уничтожение памяти, но и на полное поглощение времени и истории: «[...] я вдруг ощутил [...] прорву жизни, которая [...], поглотит любое событие» (с. 81). Одновременно вполне справедливо прочтение мотива гниющих яблонь как аллюзии на абсурдную идею создания коммунистического рая и веру в всемогущую силу нового советского человека, покоряющего силы природы.

Ландшафт земли ГУЛАГа напоминает «картины XVII в., выполненные в жанре *ванитас*, представляющие собой аллегория смерти, где каждый объект — символ эфемерности человеческой жизни»³². Эсхатологическим смыслом наделен в романе гриб, растущий «на старом, трухлявом пне» и ассоциирующийся с «плотью трупа» (с. 120). Гриб, найденный повествователем в месте массового захоронения узников, напоминает о равнодушии природного мира по отношению к человеческим страданиям:

Около надломленной ключицы рос крупный подосиновик; клейкая и склизкая губка вывернулась из-под скукожившейся от солнца шляпки, и эта бескровная, не знающая боли плоть низшего царства живых организмов была мерзка [...] и человек был чем-то очень непрочным в сравнении с этими грибами» (с. 354–355).

Отрицательную коннотацию гриба расширяют еще два фактора. Во-первых, его антропоморфизация — это «заплывшее жиром ухо» (с. 120) отсылает непосредственно к практикам подслушивания и слежки за узниками лагеря. Во-вторых, суще-

³² Ж. Жербер, Е. Н. Эртнер, *Природа как «место памяти»...*, с. 127.

ствующий действительно в природе древесный гриб, напоминающий ухо, называется «иудиным ухом». Таким образом активизируется архетипический образ Иуды предателя и лицемера³³.

В романе *Предел забвения* победительная сила природной стихии заключается в том, что она «затянет любую рану» (с. 81), в результате чего постлагерный пейзаж приобретает характер многослойного органического палимпсеста: под льдом, мхами („даже низкорослые мхи отбрасывали смертные тени” (с. 358)), грибами и травами скрываются человеческие кости. Выявить следы случившегося здесь насилия, «отделив их как археологическую находку от природной среды, обрамлявшей их — как очищают фреску от позднейших напластований — невозможно»³⁴. Постлагерный пейзаж отмечен двойным преступлением: сперва уничтожением людей, потом забвением.

Природа, согласно концепту Сергея Лебедева, является одним из главных механизмов расчеловечивания жертв государственного террора. Безграничное беспамятное пространство ландшафта, само утратившее статус реальности, заново требует вмешательства человека, воссоздания следов прошлого:

Я находился в желудке у земли; здесь лежали мои братья, и нетленность их была не нетленностью святости, а лишенностью смерти. Они не прошли путем тления, срослись с землей, но не стали ею; для всех остальных людей они исчезли, пропали безвестно, и даже смерть не была той последней вестью, которую мог бы подать человек; а значит, и смерть не случилась до конца; мертвые остались только с мертвыми, живые — только с живыми. Но смерть — это не исчезновение, не мгновенный переход от наличия к отсутствию; умирает один человек, но те, кто вокруг, должны закончить его смертный труд скорбью и оплакиванием; девять дней, сорок дней — часть события смерти, которую свершают живые. А если живые и мертвые соединены — эта незавершенность, этот вечно длящийся момент, обратившийся в лед, переживают течение времени (с. 393–394).

В культуре постсоветского периода, «преследуемой непогребенным прошлым» (Эткинд), литература о лагере ставит перед собой цель противодействовать забвению, вернуть имя и голос жертвам репрессий. В современном лагерном тексте обнаруживаются однако два противоположных нарратива о прошлом — историческая память разветвляется на героическую и трагическую. Первую ветвь представляют авторы, отражающие эпоху

³³ Там же.

³⁴ Л. Юргенсон, *Пейзажная зарисовка...*

СМЕРТЬ В ГЕОГРАФИИ...

террора путем героизации своих персонажей и апофеоза жизни, что, в свою очередь, может вызвать упрек в уменьшении значения трагического опыта прошлого для нынешнего и последующих поколений. Сергей Лебедев, возражая против такого подхода, констатирует:

Сегодня я вижу, что появились и другие книги о Гулаге, но в них утверждается, что история была не такой страшной. Авторы соглашаются с тем, что Гулаг — это плохо, но говорят, что там было место для любви, для отношений. Такая позиция вроде как защищает читателя. Да, люди умирали, это был экстремальный опыт, но нельзя позволять себе прикасаться к ужасу! Читатели смотрят на историю как бы сквозь фильтр, для России это очень типично. Русские не хотят признавать свою историю³⁵.

[...] стоит упомянуть своего рода цензуру, заключенную в языке, которым пишутся тексты. Это зачастую все тот же язык социалистического реализма. Возьмите *Зулейху* или *Обитель*, вырежьте кусок, смонтируйте с романом какого-нибудь советского корифея — и вы не почувствуете стилистической разницы. А это катастрофа, потому что советский язык антирефлексивный, и писать на нем о советском же прошлом — все равно что жевать старые газеты³⁶.

Пропитанный семантикой смерти *Предел забвения* — это полемический ответ Лебедева на *conditio* постсоветского общества, «искривляющего» горе (ср. Эткин): «[...] мы не умеем работать с отрицательным опытом, нам все время — вполне в советских традициях — хочется его вымарать и заменить чем-нибудь положительным»³⁷.

REFERENCES

Ardamatskaya, Diana Aleksandrovna. “Varlam Shalamov i poetika posle GULAGA.” *Vestnik Leningradskogo universiteta im. A.S. Pushkina* 2013, vol. 2, № 2. 137–143 [Ардамацкая, Диана Александровна. “Варлам Шаламов и поэтика после ГУЛАГа.” *Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина* 2013, т. 2, № 2. 137–143].

³⁵ С. Лебедев, *Культура в России всегда была имперским инструментом*, 12.06.2017, бесед. А. Теэде, <https://rus.postimees.ee/4143809/rossiyskiy-pisatel-sergey-lebedev-kultura-v-rossii-vsegda-byla-imperskim-instrumentom> (07.07.2021).

³⁶ С. Лебедев, *Опасность отчасти и состоит в том, что никто не может дать определение «опасного»*, 21.05.2016, бесед. К. Докукина, <https://snob.ru/selected/entry/108587/> (09.07.2021).

³⁷ Там же.

- Assmann, Aleida. "Unbewältigte Erbschaften. Fakten und Fiktionen im zeitgenössischen Familienroman." *Generationen: Erfahrung — Erzählung— Identität*. Eds. Kraft, Andreas. Weifshaupt, Mark. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft, 2009. 49–70.
- Assmann, Aleida. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika*. Transl. Khlebnikov, Boris. Moskva: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2014 [Ассман, Алейда. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. Пер. Хлебников, Борис. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2014].
- Assmann, Aleida. *Zabveniye istorii — oderzhimost' istoriyey*. Transl. Khlebnikov, Boris. Moskva: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2019 [Ассман, Алейда. *Забвение истории — одержимость историей*. Пер. Хлебников, Борис Н. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2019].
- Blanchot, Maurice. "Literatura i pravo na smert'." Blanchot, Maurice. *Ot Kafki k Kafke*. Transl. Krotova, Dar'ya Sergeevna. Moskva: Logos, 1998. 9–56 [Бланшо, Морис. "Литература и право на смерть." Бланшо, Морис. *От Кафки к Кафке*. Пер. Кротова, Дарья Сергеевна. Москва: Логос, 1998. 9–56].
- Brosimmer, Franz J. *Ecocide. A Short History of the Mass Extinction of Species*. London: Pluto Press, 2002.
- Didi-Huberman, Georges. *Kora*. Transl. Swoboda, Tomasz. Gdańsk: Wydawnictwo w Podwórku, 2013.
- Etkind, Aleksandr. *Krivoye gore. Pamyat' o nepogrebennykh*. Transl. Makarov, Vladimir. Moskva: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2016 [Эткинд, Александр. *Кривое горе. Память о непогребенных*. Пер. Макаров, Владимир. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2016].
- Farino Yezhi. *Vvedeniye v literaturovedeniye*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2004 [Фарино, Ежи. *Введение в литературоведение*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004].
- Forstner, Dorothea. *Świat symboliki chrześcijańskiej*. Transl. Zakrzewska, Wanda. Pachciarek Paweł. Turzyński, Ryszard. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1990.
- Geller, Mikhail. *Kontsentratsionnyy mir i sovetskaya literatura*. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1974 [Геллер, Михаил. *Концентрационный мир и советская литература*. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1974].
- Guseynov, Gasan. "Riparografiya. Belletristika serediny 90-h v poiskah novogo." *Postskriptum* 1997, № 1. 143–167 [Гусейнов, Гасан. "Рипарография. Беллетристика середины 90-х в поисках нового." *Постскрипtum* 1997, № 1. 143–167].
- Hartmann, Anne. "'Okno v proshloye'. Prochest' lager' заново." Transl. Sudakov, Andrey [Хартманн, Анне. "'Окно в прошлое'. Прочесть лагерь заново." Пер. Судаков, Андрей] <<https://shalamov.ru/research/61/3.html#t24>>.
- Hundorowa, Tamara. "Gatunek czarnobylski: wyparcie realnego i nuklearna sublimacja." Transl. Tomanek, Przemysław. *Po Czarnobylu. Miejsce katastrofy w dyskursie współczesnej humanistyki*. Eds. Boruszkowska, Iwona. Glinianowicz, Katarzyna. Grzemska, Aleksandra. Krupa, Paweł. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2017. 55–66.
- Krotova, Dar'ya Vladimirovna. "Priroda v mirovospriyatii V. Shalamova. Retseptsiya klassicheskikh traditsiy i poeticheskoye novatorstvo." *Filologicheskiye*

- nauki. Voprosy teorii i praktiki* 2016, № 8, vol. 2. 21–25 [Кротова, Дарья Владимировна. “Природа в мировосприятии В. Шаламова. Рецепция классических традиций и поэтическое новаторство.” *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 2016, № 8, ч. 2. 21–25].
- Latour, Bruno. “Agency at the Time of the Anthropocene.” *New Literary History* 2014, № 1. 1–18.
- Lebedev, Sergey. “GULAGovskaya Atlantida, kotoraya 40–50 let kak kanula v prosh-loye.” 29.10.2017. Besed. Fedorova, Nataliya [Лебедев, Сергей. “ГУЛАГовская Атлантида, которая 40–50 лет как канула в прошлое.” 29.10.2017. Бесед. Федорова, Наталия] <<https://realnoevremya.ru/articles/79209-pisatel-sergey-lebedev-o-nasledii-gulaga>>.
- Lebedev, Sergey. “Kul'tura v Rossii vseгда byla imperskim instrumentom.” 12.06.2017. Besed. Teede, Andra [Лебедев, Сергей. “Культура в России всегда была имперским инструментом.” 12.06.2017. Бесед. Теэде, Андра] <<https://rus.postimees.ee/4143809/rossiyskiy-pisatel-sergey-lebedev-kultura-v-rossii-vseгда-byla-imperskim-instrumentom>>.
- Lebedev, Sergey. “Opasnost' otchasti i sostoit v tom, chto nikto ne mozhet dat' opre-deleniye «опасного».” 21.05.2016. Besed. Dokukina, Kseniya [Лебедев, Сергей. “Опасность отчасти и состоит в том, что никто не может дать определение «опасного».” 21.05.2016. Бесед. Докукина, Ксения] <<https://snob.ru/selected/entry/108587/>>.
- Lebedev, Sergey. “Syuzhety umolchaniya v Germanii i Rossii, ili Nemetskiy uspekhn Sergeya Lebedeva.” 23.10.2013. Besed. Shuman, Yefim [Лебедев, Сергей. “Сюжеты умолчания в Германии и России, или Немецкий успех Сергея Лебедева.” 23.10.2013. Бесед. Шуман, Ефим] <<https://p.dw.com/p/19zcy>>.
- Lebedev, Sergey. *Predel zabveniya*. Moskva: Eksmo, 2012 [Лебедев, Сергей. *Предел забвения*. Москва: Эксмо, 2012].
- Lebedushkina, Ol'ga. “Pokayaniye i proshcheniye. Literatura kak rabota pamyati i zabveniya. Zametki po raznym povodam.” *Druzhba narodov* 2011, № 5. 198–208 [Лебёдушкина, Ольга. “Покаяние и прощение. Литература как работа памяти и забвения. Заметки по разным поводам.” *Дружба народов* 2011, № 5. 198–208] <<https://magazines.gorky.media/druzhba/2011/5/pokayanie-i-proshhenie.html>>.
- Lipovetskiy, Mark. Etkind, Aleksandr. “Vozvrashcheniye tritona. Sovetskaya katastrofa i postsovetkiy roman.” *Novoye literaturnoye obozreniye* 2008, № 6. 174–206 [Липовецкий, Марк. Эткинд, Александр. “Возвращение тритона. Советская катастрофа и постсоветский роман.” *Новое литературное обозрение* 2008, № 6. 174–206] <<https://magazines.gorky.media/nlo/2008/6/mark-lipoveckij-8212-aleksandr-etkind-vozvrashhenie-tritona-sovetskaya-katastrofa-i-postsovetkiy-roman.html>>.
- Merridale, Catherine. Kamennaya noch'. Smert' i pamyat' v Rossii XX veka. Transl. Poluektova-Krimer, Kseniya. Moskva: CORPUS, 2019 [Мерридейл, Кэтрин. *Каменная ночь. Смерть и память в России XX века*. Пер. Полуэктова-Кример, Ксения. Москва: CORPUS, 2019].
- Mikhaylik, Yelena. “Ne otrazhayetsya i ne otrasyvayet teni: ‘zakrytoye’ obshchestvo i lagernaya literatura.” *Novoye literaturnoye obozreniye* 2009, № 6. 356–374 [Михайлик, Елена. “Не отражается и не отбрасывает тени: ‘закрытое’ общество и лагерная литература.” *Новое литературное обозрение* 2009, № 6. 356–375].

- Moteyunayte, Ilona. "Trauma sovětského lagerya v sovremennom ruskom romane (Guzel' Yakhina, Yevgeniy Vodolazkin)." *Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej. Jewgienij Wodolazkin*. Eds. Skotnicka, Anna. Świeży, Janusz. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. 283–295 [Мотеюнайте, Илона. "Травма советского лагеря в современном русском романе (Гузель Яхина, Евгений Водолазкин)." *Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин*. Ред. Скотницка, Анна. Свежий, Януш. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. 283–295].
- Myga-Piątek, Urszula. "Pamięć krajobrazu — zapis dziejów w przestrzeni." *Studia Geohistorica* 2015, № 3. 29–45.
- Nikulina, Мауа. *Kamen'. Peshchera. Gora*. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, 2002 [Никулина, Майя. *Камень. Пещера. Гора*. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002].
- Shalamov, Varlam. "Perchatka." Shalamov, Varlam. *Sobraniye sochineniy v shesti tomakh*. Sost., podgot. teksta, prim. Sirotinskaya, Irina Pavlovna. Vol. 2. Moskva: Knizhnyy Klub Knigovek, 2013. 283–311 [Шаламов, Варлам. "Перчатка." Шаламов, Варлам. *Собрание сочинений в шести томах*. Сост., подгот. текста, прим. Сиротинская, Ирина Павловна. Т. 2. Москва: Книжный Клуб Книгоvek, 2013. 283–311].
- Shalamov, Varlam. "Po lendlizu." Shalamov, Varlam. *Sobraniye sochineniy v shesti tomakh*. Sost., podgot. teksta, prim. Sirotinskaya, Irina Pavlovna. Vol. 1. Moskva: Knizhnyy Klub Knigovek, 2013. 392–399 [Шаламов, Варлам. "По лендлизу." Шаламов, Варлам. *Собрание сочинений в шести томах*. Сост., подгот. текста, прим. Сиротинская, Ирина Павловна. Т. 1. Москва: Книжный Клуб Книгоvek, 2013. 392–399].
- Trauma: punkty*. Eds. Ushakin, Sergey. Trubina, Yelena. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009 [*Травма: пункты*. Ред. Ушакин, Сергей. Трубина, Елена. Москва: Новое литературное обозрение, 2009].
- Ubertowska, Aleksandra. "Krajobraz po katastrofie: natura, historia, reprezentacja." *Poetyki ekocydu. Historia, natura, konflikt*. Eds. Ubertowska, Aleksandra. Korczyńska-Partyka, Dobrosława. Kuliś, Ewa. [Warszawa]: IBL, 2019. 7–19.
- Yurgenson, Lyubov'. "Pejzazhnaya zarisovka kak metatekst v proze Shalamova." [Юргенсон, Любовь. "Пейзажная зарисовка как метатекст в прозе Шаламова."] <<https://shalamov.ru/research/394/>>.
- Zherber, Zhyuli. Ertner, Yelena Nikolayevna. "Priroda kak 'mesto pamyati' v ruskoj proze o GULAGe." *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates* 2018, № 4. 120–133 [Жербер, Жюли. Эртнер, Елена Николаевна. "Природа как 'место памяти' в русской прозе о ГУЛАГе." *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates* 2018, № 4. 120–133].